

**АЛЕКСЕЙ
ДЗЕРМАНТ**

БЕЛАРУСЬ— ЕВРАЗИЯ

**ПОГРАНИЧЬЕ РОССИИ
И ЕВРОПЫ**

Алексей Дзермант

**Беларусь – Евразия.
Пограничье России и Европы**

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 85.374

Дзермант А.

Беларусь – Евразия. Пограничье России и Европы /
А. Дзермант — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907351-61-5

Пограничье, фронтир России и Европы, борьба за которое усилилась в последнее время, – один из самых взрывоопасных регионов мира, здесь не раз прокатывались опустошающие войны и сегодня он далёк от спокойствия. Конфликт на Украине, ставший причиной «новой холодной войны», попытка «цветной революции» и острый политический кризис в Беларуси катализировали в регионе процессы самопознания, самоопределения и выбора дальнейшего пути. В книге белорусского политолога и философа Алексея Дзерманта даются оригинальные ответы на обострившиеся вопросы о поиске идентичности в Беларуси, Украине, Польше и Прибалтике, геополитического и идеологического самоопределения элит и народов, формирования новой русской идентичности в Западной Евразии и о проекте будущего, желаемого для России и её союзников. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94

ББК 85.374

ISBN 978-5-907351-61-5

© Дзермант А., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

От автора	6
Введение	8
1. Восточнославянский мир	10
Новая русская идентичность	10
Что делать трём русским народам?	13
Три архетипа русской политической культуры	16
Русский политический дуализм	18
Огонь и пепел. Белорусско-украинский контраст	20
Новая Украина: союзный взгляд	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Алексей Дзермант
Беларусь – Евразия.
Пограничье России и Европы**

© Дзермант А. 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

От автора

Я отношусь к тому «поколению разрыва», которое ещё застало СССР, пусть и в детских воспоминаниях, глазами юноши или подростка видело его крах и то, что происходило после. Перестроечный хаос обрушился на наши неокрепшие дезориентированные рассудки потоком новых идей и верований.

Прекрасно помню книжный выбор начала – середины 90-х, тогда мы еще черпали свои знания из книг. Эзотерика, мистика, тайны истории, разоблачение и низвержение авторитетов, охаивание советского времени и заманчивые предложения вообразить себя потомками великих рыцарей из средневековья.

Тогда значительная часть общества, особенно его интеллектуальная элита, словно впала во всеобщий – весьма наивный – юношеский романтизм. Этот романтизм требовал политической формы. И она появилась – национализм.

Мне повезло, я не был вовлечен в это течение когда оно, как и в соседних странах, окрепло и попыталось стать доминирующей идеологией. У белорусского общества тогда ещё был крепкий иммунитет против этого, и очень скоро Беларусь выбрала иной путь.

Я внимательно наблюдал за белорусским, литовским, украинским национализмом со стороны, но некоторые вещи, которыми интересовался в то время, – этнография, древняя история, мифопоэтическая традиция – позволяли общаться с носителями этой идеологии и даже находить что-то общее.

Профессиональный интерес к балтийским народам и Польше дал мне понимание особенностей их исторической судьбы, сходства и различий с белорусами и русскими. Обычно, когда с головой погружаешься в какую-то тему, редко удается избежать идеализации и чрезмерного восхищения, тут важно сохранять способность критической рефлексии.

Да, у Прибалтики была очень древняя и интересная история, у балтийских народов уникальные языки и традиции, которые хотелось бы сохранить, но то, что происходит с этими странами сейчас, вряд ли можно назвать историей успеха, вряд ли к этому стремились и те, кто сражался против Советского Союза.

Вот тут и возникает первый вопрос, ответ на который очень важен для личного мировоззрения: а нужно ли увлечение историей и традициями транслировать на современность? Второй поворот происходит тогда, когда видишь, к чему приводят идеи и действия увлечённых националистов-романтиков. Везде, где националистические и ультраправые силы приходят к власти, начинаются войны и разруха. Украина – самый близкий и наглядный пример.

Третий поворот связан с семьей. Когда у тебя появляется своя семья, ты начинаешь думать уже о них, о детях, думать не перспективу. В какой стране ты хотел бы их вырастить, в какой стране они будут жить? Чаше вспоминаешь своих родителей, дедов.

И тут круг замыкается, счастливые беззаботные воспоминания советского детства уже не кажутся чем-то само собой разумеющимся. Ведь за ними стояли победы, служба и труд твоих непосредственных предков, тех, кто рассказывал тебе о своей жизни, пытался передать опыт и знания, которые только сейчас пробиваются через информационную шелуху.

Ты начинаешь глубже изучать причины Октябрьской революции и побед советского народа, почему он победил нацизм и почему нельзя допустить его возрождения сегодня. Начинаешь понимать, что белорусы связаны прямой традицией не со шляхтой, пропившей и проигравшей в карты своё государство, а с крестьянами и рабочими, получившими образование и реальную возможность достойной жизни именно от советской власти.

А самое главное – понимаешь, что конструктивны лишь те идеи, которые в нашем случае основаны на преемственности и созидании, которые тянут человека вверх, к развитию, открывают перед ним большой мир и новые возможности.

Представленные в книге эссе отображают мой личный поиск ответов на обозначенные выше вопросы. Эти ответы, безусловно, во многом отображают перипетии моей биографии, которая тесно связана с фронтиром – пограничьем между цивилизациями. Родившись в Казахстане, в небольшом городке Талгар недалеко от Алма-Аты в среде потомков семиреченских казаков, я с детства видел пересечение и взаимовлияние больших культур: русской, тюркской, китайской, ислама и православия.

Имея корни из Беларуси и вернувшись вместе с семьёй на историческую родину, имел возможность на протяжении более 35 лет впитывать и понимать специфику западного фронта, где пересекаются белорусская, русская, польская, украинская, литовская, еврейская культуры, православие и католицизм.

Беларусь хоть и принадлежит к русской, если угодно и евразийской цивилизации, но находится на пограничье, здесь расположен непосредственный стык с западной, латинской цивилизацией. Поэтому здесь появляется свой особый тип «фронтирной» идентичности.

Классическим её примером является архиепископ Феофан Прокопович. Изначально бывший православным, он получил образование в Киево-Могилянской академии, затем обратился в униаты, окончил иезуитскую коллегию, но не остался в Риме, а вернулся в Киев, вновь принял православие и, в конце концов, до самой кончины жил и работал в Петербурге при царе Петре I и даже консультировал Тайную канцелярию. Он же, между прочим, считается одним из авторов концепции о триедином русском народе.

Россия, как мне представляется, потому и стала невероятно могущественной державой, что всегда была открыта к таким людям, и они служили ей верой и правдой. Россия сама была и есть подвижным фронтиром, динамичным пространством возможностей и самореализации. Самопознание России, русской цивилизации в многочисленных поездках по Евразии, во время «полевой» работы политического аналитика и эксперта дали ответы на многие вопросы, и с этими ответами я предлагаю познакомиться читателю.

Проблему выбора идентичности каждый решает персонально для себя. Твёрдость выбора, на мой взгляд, проверяется моментом, когда он совершается. Во время Великой Отечественной войны большинство дееспособных белорусов в условиях оккупации сделали правильный выбор, став партизанами и подпольщиками.

Так же и сейчас – в воздухе витает ощущение если не предвоенного времени, то по крайней мере судьбоносного момента для всей нашей цивилизации. И в этот момент нужно быть со своими. Об определении, понимании, выборе своего и своих – эта книга.

Введение

Как выжить на пограничье России и Европы

Сейчас мы как цивилизация (не важно, как её назвать: русская, российская или евразийская) – то есть сообщество, объединённое своими собственными представлениями о мироустройстве, ценностями, особенностями хозяйственного, политического уклада, специфическими чертами культурной и религиозной жизни, исторической памятью, – переживем очередной судьбоносный момент в истории.

Этот момент определит наше будущее – сможем ли мы преодолеть продолжающийся распад, восстановить разорванное единство, вновь окрепнуть и стать вровень с другими полюсами силы и ведущими цивилизациями либо и дальше будем окутаться в пропасть междоусобицы, утрачивая население, умаляя экономический и технологический потенциал, отставая в развитии.

Для того чтобы понять суть момента и сориентироваться в нём, необходимо осознать структуру своего пространства и те концепты, которые помогают его удерживать. Очередной виток нашей междоусобицы предсказуемо случился на западной фронтире – пограничье России и Европы, Евроатлантики и Евразии. Это украинский кризис, ставший катализатором и приведший в движение весь западный рубеж.

Первое, что нужно понять, – пограничье вновь превращается в беспокойный фронт – территорию, за которую ведётся противоборство различными средствами: от военных до идеологических. Западный фронт критически важен для России – Евразии. Во-первых, потому что он включает исторические земли Западной Руси, без которых невозможно представить полноценную русскую геополитическую субъектность. Второе – конфликтное пограничье всегда будет источником разнообразных угроз, требующих расхода и без того не слишком больших людских и материальных ресурсов.

Таким образом, перед нами встаёт задача описания текущей диспозиции на фронтире и выработки предложений по его стабилизации. У России здесь есть несколько опорных точек: Крым, Калининградская область, непризнанные республики Донбасса, Приднестровье, Республика Беларусь. Все они выполняют свою геостратегическую роль.

По ту сторону фронта уже находятся Украина, Прибалтика, Польша, Румыния. Потеря Украины – очень серьёзный удар и фундаментальный вызов. На него необходимо отвечать не просто средствами текущей, достаточно примитивной пропаганды. Работа на украинском направлении требует если не начала с нуля, то совершенно иных подходов и целей. Эти начальные цели можно обозначить как: нейтрализация, пацификация и денацификация. И это во многом требует перенастройки нашего отношения к Украине.

Скорее всего, после украинского опыта нам придётся переходить от привычной идеологии о триедином русском народе к осознанию факта существования трёх восточнославянских (русских) наций – самостоятельных политических субъектов – и выстраивать новую русскую идентичность уже как некую сетевую множественность, проводя, с известной долей условности, аналогии с немецким, англо-саксонским, арабским миром и их разными субъектами.

Новая русская идентичность – это о том, как нам вновь собрать своё ядро, понимая при этом, что каждый из трёх русских (восточнославянских) народов уже не сможет просто взять и вернуться в некое благословенное состояние прошлых форм единства. Это значит, что нужно собирать союз на новых основаниях.

Какими могут быть эти основания? Осознание своей общности не как данности и мантры, а через осмысление и принятие своего нового места в общем большом проекте. Лучше всего это может получиться на примере Беларуси, которая сохраняет тесные союзные отноше-

ния с Россией, не разругалась с Украиной и достаточно самостоятельна, чтобы решать серьёзные задачи. Россия и Беларусь всё ещё могут проектировать и реализовывать создание в треугольнике Москва – Минск – Санкт-Петербург опорного месторазвития русской цивилизации на пограничье с Европой.

Беларусь – это Брестская крепость на западе Евразии, но имеющая потенциал быть не только пограничной цитаделью. Актуальная позиция страны позволяет выстраивать не только оборонительную политику, но думать на несколько шагов вперёд – об умиротворении фронта, притягивании Украины обратно, конструктивном влиянии на беспокойных соседей на западе. Беларусь – это «умная сила» Евразии, задача которой – опираясь на союз с Россией, снимать конфликтный потенциал на пограничье, в стратегической перспективе – работать на вовлечение Европы в большую Евразию.

Польша и Прибалтика – сложные соседи и активные протагонисты евроатлантической солидарности. Но и к их сознанию можно и нужно находить ключики, открывая возможности не только конфликтного взаимодействия. В этих обществах, несмотря на кажущуюся монолитность и однозначный выбор, присутствуют разные силы, живут разные идеи и некоторые из них могут быть комплементарны континентальной евразийской логике. С этим нужно работать. Например, с белорусских позиций. Тем более, что сама Европа кардинально меняется.

Отношения с Европой определяют характер и структуру фронта. Наш общий интерес – уменьшать степень его конфликтности, милитаризованности, непредсказуемости. Но делать это нужно с позиции силы и уверенности в собственной идентичности. Поэтому важно все же осознать особенности и отличия своей идентичности от европейской. Восточнославянские (русские) страны и народы всё же следует отнести к Евразии, а не Европе. У нас много общего, мы очень близки, но не тождественны. Признание этого помогло бы избежать многих иллюзий как с той, так и с другой стороны.

Старая Европа тоже стоит перед выбором будущего, мир изменился, возник мощный Китай, вернулась сильная Россия, США стали более прагматичными и эгоистичными. Европе нужно помочь в её правильном выборе.

Но прежде, чем это сделать, нужно разобраться в себе. Осознать и признать русскость, евразийскость – это позволит обрести внутреннюю определённость, необходимый ценностный и идейный стержень. Культурный и географический детерминизм будут подсказывать пути и методы необходимой экономической и политической организации собственного пространства, государственности, суверенности, которые, очевидно, будут должны отличаться от западных.

В политэкономическом смысле нам не уйти от создания более справедливого, социального общества. Именно поэтому экономический и социальный опыт, накопленный в той же Беларуси, может быть востребован в гораздо больших масштабах.

Осознавая это и выполняя соответствующие задачи, будет приходить видение иного горизонта, сверхцелей, как это уже происходило с нами в советское время. Задачи объединения человечества и покорения космоса никто не отменял. Сейчас несколько иное время – время протекционизма, национализма, распада глобализованного мира на большие пан-регионы, блоки, но всегда перед собой нужно видеть далёкую цель, превосходящую желания и жизни существующего поколения. Участие в реализации такой цели – это то, чего нам не избежать, это то, что делает нашу культуру и цивилизацию великой и живой.

1. Восточнославянский мир

Новая русская идентичность

Какой сегодня может быть русскость? Белорусы, украинцы – это ещё русские или уже нет? Можно ли быть белорусом и русским, украинцем и русским одновременно или эти понятия обязательно противопоставляются друг другу? Отвечать на эти вопросы необходимо, если мы хотим понимания и продолжения русского самосознания. Но эти ответы нас неизбежно приведут к пониманию того, что возникнет новая русская идентичность. О том, какой она может быть, стоит задуматься и представить её возможные формы.

Абстрагируясь от актуальностей современного «русского (восточнославянского) мира»: конфликта России и Украины, туманной судьбы Союзного государства России и Беларуси, необходимо обратиться к изначальным ключевым идеям-концепциям, лежащим в основе русскости, «русской идеи», возникшим, согласно Владимиру Топорову, среди древнерусских книжников в промежутке между 1040 и 1120 г. и до сих пор оказывающим влияние на нашу жизнь.

Эти три идеи могут быть сформулированы следующим образом:

1) единство в пространстве и в сфере власти;

2) единство во времени и в духе, идея духовного преемства;

3) святость, как высший нравственный идеал поведения, жизненная позиция, особый вид святости, понимаемой как жертвенность, как упование на иной мир, на ценности, которые не от мира сего.

Краткая формула «русской идеи» – это единство святости, царства и земства. И современные политические и религиозные коллизии стоит рассматривать именно в этом контексте. Нерв современной «русской жизни» – это борьба за единство после периода очередной смуты, весьма драматичная, в чём-то трагичная, в чём-то комичная.

Можно заметить, что в этой формуле нет развития, это довольно консервативный её вариант, тем более трудно реализуемый в настоящем, когда очень сложно представить единство в пространстве и во власти, и упование на ценности не от мира сего сведены к минимуму.

Из этого следует, что нужна более актуальная формулировка если не русской идеи как таковой, то хотя бы новой русской идентичности. Какой она может быть?

Прежде всего нужно понимать, что сама русская идентичность переживает кризисные времена, по сути в результате распада СССР мы отброшены в XVI–XVII века, с разделением на Западную и Восточную Русь, где Русь Московская разрывается между собиранием земель, изоляционизмом, западным давлением и попыткой поворота на Восток, а Русь Украинская и Белорусская превращаются в колеблющийся между цивилизациями фронт и даже линию настоящего фронта, как это произошло на Донбассе.

Также это означает, что идеологема о едином русском народе, состоящем из велико-, мало- и белорусов хоть и остаётся в сознании части населения и элит, но уступает более осязаемой реальности в виде трёх политических наций, образованных на основе собственной государственности: российской, украинской и белорусской. И мы видим, что отношения между ними далеки от идиллической картины единства и братства. Братская риторика не только исчезает под ударами междоусобицы, но и выхолащивается экономическими спорами, пресловутым «прагматизмом», нарочитой заботой о национальных интересах и суверенитете, за ширмой которых часто прячутся скорее интересы правящих элит, а не большинства народа.

Новая русская идентичность – это то, что может объединять три народа поверх наливающих реальностей в виде отдельных национальных идентичностей и государств. Сразу же поступит возражение – а возможно ли это? Со ссылкой на украинский пример можно обосновать

вать тезис о том, что единство в духе, власти и пространстве возможно только в рамках единого государства и это государство – Россия, о чём говорит весь предыдущий исторический опыт.

Пожалуй, с оговорками, с этим можно согласиться, но сегодня объединение в одной России добровольно уже не произойдёт, оно возможно только военным путём, что окончательно похоронит как идею единства, так и, скорее всего, саму единую государственность, которая предсказуемо не выдержит наличие мощного внутреннего очага конфликтности.

Итак, новая русская идентичность должна смириться с существованием реалий, то есть трёх русских государств и трёх русских политических наций. Противоречия между ними можно преодолеть только постановкой некой общей задачи, осознания себя в качестве единой цивилизации, представленной разными субъектами, но с общими целями.

Общая цель – победа в конкурентной борьбе цивилизаций, экономических и геополитических блоков. Сохраниться, укрепиться, не стать жертвой и ресурсом для соседей: Евроатлантики, Китая, исламского мира, по возможности, превратить их в ресурс для собственного развития.

Как это сделать? Через обладание определенными технологиями. Не только производственными, транспортными, военными, но и социальными. Святость, Святая Русь – социальная, сакральная технология, позволившая пережить и перемолоть на свою пользу монгольское и польское владычество в Восточной и Западной Руси. Советский большевизм – социально-идеологическая технология, позволившая контролировать полмира.

Сегодня такую технологию пытается разработать, внедрить и транслировать на остальную планету Китай в виде системы социального кредита, всех последствий появления которой мы ещё до конца не осознаём. Безусловно, были и есть такие технологии у западного мира: демократия, права человека, общество всеобщего благосостояния.

Нам, людям русской цивилизации, пусть и являющимся гражданами разных государств, имеющим разное этническое происхождение и религиозную принадлежность (это ключевое условие: открытость, инклюзивность новой русской идентичности, в её гравитационное поле можно и нужно включать всех, кто потенциально готов её принять как свою), нужно определить – с какими технологиями мы собираемся отстоять своё место под солнцем, как организовать «технологическую цепочку» разным субъектам и определить специализацию каждого из них.

Из того, что лежит на поверхности, – технологии в энергетике, особенно ядерной. Например, Россия обладает технологией реактора на быстрых нейтронах (проект БРЕСТ), с замкнутым циклом использования ядерного топлива, что позволит сделать атомную энергетику гораздо более безопасной, экологичной и экономной, а в перспективе – обеспечить человечество стабильным источником энергии, потеснив углеводороды.

Это технология на перспективу, а сегодня Беларусь и Узбекистан, реализуя с Росатомом проекты строительство АЭС у себя, включаются в процесс связывания и развития, выделения точек экономического и социального роста – каждая в своём регионе, что будет конвертироваться и в усиление геополитического влияния, полученного от союза с Россией.

«Специализация» России естественным образом связана с наполнением её северного, сибирского и дальневосточного локуса. Арктические проекты, развитие городов и поселений в Сибири, взаимодействие с Китаем, Кореями, Японией на Дальнем Востоке. Взаимодействие не только экономическое и военно-политическое. С усилением роли восточноазиатских стран в мире, особенно КНР, вновь возникает задача формулировки русского проекта для Азии, Желтороссии, но уже не как территориального продвижения и захвата земель, а ассимиляции и русификации значительных групп больших азиатских этносов.

Задача крайне непростая, учитывая разный демографический вес русской и азиатских культур, более выраженный консерватизм и традиционализм, то сопротивляемость межкультурным контактам, у последних. Тем не менее такую задачу необходимо ставить, а не воспринимать ситуацию исключительно в образах китайской экспансии и угрозы. Русская культура

имеет потенциал превращать в дружественные, лояльные сообщества представителей разных цивилизаций.

Безусловно, такая задача требует усиления демографического русского ядра, а потому предполагает участие наиболее пассионарных личностей не только из числа великороссов, но и украинцев, белорусов, всех частей бывшего советского народа. Создание промежуточного слоя или даже этнической группы русских китайцев, лоббирующих и воплощающих мирное взаимодействие России и Китая, может быть воплощением русско-китайского глобального союза, который придёт на смену планетарному доминированию Евроатлантики.

«Специализация» Беларуси – быть хранительницей западного фронта. В зависимости от политической и военно-политической обстановки в пограничье Восточной Европы и Западной Евразии Беларусь может быть либо «караван-сараям» на новом Шёлковом пути, контролирующим и проводящим людей, транспорт, товары, услуги и инвестиции между Евразией и Европой и получающей от этого выгоду, либо цитаделью, коллективной Брестской крепостью, запирающей на ключ основные пути, и противостоящей всё более реальному нападению с Запада.

Беларусь – естественный противовес усилению Польши и превращению её геополитических амбиций в нечто реальное, поэтому развитие и успешность Беларуси в рамках общих русских целей – это, в том числе нейтрализация польского влияния, мягкое «притягивание» Прибалтики и весомый аргумент в борьбе за Украину. Пока Беларусь с Россией – Украина всё ещё не потеряна. Если Беларусь ослабнет и не выдержит давления, свалится к состоянию теперешней Украины, это нарушит баланс внутри русской цивилизации и уже поставит вопрос о существовании самой России.

«Специализация» Украины сегодня крайне проблематична в силу потери почти всех компетенций и производственных мощностей, доставшихся ей в наследство из советского прошлого. Возможно, при всём понятном скепсисе, украинский опыт может быть полезен именно в качестве социальной технологии. Переживание майданов, смуты, ослабления и разделения государства, гражданской войны привело к возникновению в Украине многообразных форм самоорганизации населения: от самопомощи до разнообразного добровольчества. Оценивать это лучше беспристрастно и без эмоций, просто как нечто, что показало свою эффективность, поскольку, несмотря на голоса скептиков, Украина как государство выстояло и не развалилось, и во многом благодаря этим практикам. Вероятно, этот опыт может быть полезным для «земства» в рамках цивилизационных задач. И для того чтобы понять, так ли это, этот опыт, по крайней мере, нужно хорошо изучить.

Итак, формулируя новую русскую идентичность, мы должны исходить из наличия разных политических субъектов – трёх русских государств и политических наций, должны осмыслить и принять как вызов общую цивилизационную цель, понять технологии её достижения и видеть «специализацию» каждого из субъектов. Обсуждение и понимание этого кажется мне достойным поводом для диалога и общения заинтересованных интеллектуалов, как минимум из России, Украины и Беларуси.

Что делать трём русским народам?

Русских народов три. Все они одного корня, но долгое время жили порознь, и так произошли из них три разных русских народа; у каждого – свое название, своя речь, свои обычаи, свои песни, своя одежда.

Один русский народ живет под Москвой и далее; называется он великорусский. Второй живет под Киевом и называется украинским.

Мы – третий народ русского корня, зовемся белорусами, и страна наша называется Беларусь. Есть среди нас православные, есть и католики, но народ у нас один, потому что у всех одна речь, одни обычаи, одни песни, одна одежда, один образ жизни.

Максим Богданович, 1915 г.

Эти слова белорусского поэта Максима Богдановича, вынесенные в эпиграф и озвученные ровно сто лет назад, сегодня вызвали бы непонимание у многих.

Украинские и белорусские националисты стали бы отрицать существование общего «корня» с русскими, для русских националистов – украинцы и белорусы никак не могут претендовать на статус отдельных народов и наций.

Противоречия между этими двумя крайними позициями стали еще более отчетливыми на фоне событий на Украине.

В восприятии большинства россиян происходящее там – результат «искусственного» взращивания украинской нации и манипуляции национальным чувством украинцев со стороны геополитических соперников.

Для многих украинцев Россия предстает в качестве империи, не уважающей их право на самоопределение и отличие. Беларусь в этом конфликте пытается сохранить дистанцию от крайних позиций и хоть как-то примирить повздоривших братьев.

Да, народы были и будут братскими, несмотря на стычку вокруг Крыма и все еще кровоточащую рану на Донбассе. История знает примеры примирения за короткое время и после гораздо более масштабных и глубоких конфликтов. У каждого из народов происходили и происходят необратимые процессы нациостроительства.

Уже есть не три русских народа, а три нации. Нравится это кому-то или нет, но это факт. Вопрос в другом – что с этим делать в сложившейся ситуации?

Националистические круги в России предлагают рассматривать украинскую и белорусскую нации как конкурентные проекты и действовать соответственно – оторвать, вычленив из них те территории и население, которые могут быть включены в состав нации русской.

Националисты Украины и Беларуси пытаются построить национальную идентичность на основе мобилизации против России, на противопоставлении и ориентации на ее геополитических соперников.

Обе стратегии провальны. Первая – потому что Россия, сделав ставку на русский этнонационализм, будет втянута в войну практически со всеми соседями, не только с Украиной, Беларусью, но и, например, с Казахстаном.

На этой почве неизбежно возникнут линии разлома, очаги сепаратизма внутри самого российского государства.

Вторая – потому что антироссийские национальные проекты в Беларуси и Украине обречены на подчиненное, служебное положение в геополитической игре.

Исторически и фактически они никогда не были самостоятельными, использовались исключительно в деструктивных целях. Реальная сущность их носителей – быть «полицаем» у очередного западного «благодетеля».

Что остается? Советский опыт управления нациестроительством. Название книги проницательного американского исследователя Терри Мартина о советской национальной политике удачно перевели как «Империя положительной деятельности». Положительной деятельности – потому что был дан своевременный конструктивный ответ на национальные ожидания разных народов. Империя – потому что горизонт целей этой деятельности был наднациональным, превосходил локальные национализмы и включал их в гораздо более масштабный, по сути – глобальный проект.

Поступит возражение – советский опыт был неудачным, ибо СССР в итоге развалился на национальные кварталы, институциональные предпосылки к чему были созданы теми самими большевиками.

С этим нельзя согласиться. Советская политика управления национальным разнообразием доказала свою успешность во время Великой Отечественной войны. Немцам, несмотря на имеющиеся планы, так и не удалось разыграть национальную карту, общесоветская солидарность оказалась сильнее и стала одним из важнейших факторов победы.

После войны концепция «дружбы народов» успешно сдерживала эскалацию национальных противоречий. Основная причина развала СССР кроется в другом – в борьбе именно московских элит за власть, стремление руководства РСФСР избавиться от общесоюзной надстройки и «балласта» в виде закавказских и среднеазиатских республик.

А например, руководитель Казахстана Нурсултан Назарбаев до последнего противился упразднению СССР, затем он одним из первых предложил идею создания нового союза – Евразийского, которая не нашла должного понимания у тогдашнего российского руководства.

Чуть позже уже Президент Беларуси Александр Лукашенко фактически «принудил» Россию к реинтеграции. Но все это – история. Сейчас другие реалии. Новое руководство России, избавившись от иллюзий стать равноправным участником коллективного Запада, пытается запустить процесс континентальной интеграции в Северной Евразии, реагирует, как может, на скатывание украинского национального проекта в откровенно враждебный, хотя был он таким не всегда.

Ясного понимания, что делать с этим и другими постсоветскими национальными проектами до сих пор нет. Мнение о том, что их можно взять и отменить, выкрутить элитам руки и загнать обратно в Россию, – вредное и опасное заблуждение, порожденное русской фрустрацией 90-х.

Для Беларуси вариант отказа от суверенного государства и национального государства просто ради абстрактного величия России и мечтаний тамошних националистов – малопривлекателен и не является сколь-либо реалистичной перспективой.

В то же время излишнее выпячивание национальной исключительности и чрезмерное дистанцирование от России опасно следованием по украинскому сценарию.

Сегодня реальный суверенитет возможен только в рамках кооперации в наднациональных интеграционных проектах. Он обеспечивается спецификацией и весом страны в больших промышленных, технологических, транспортно-логистических и оборонных цепочках.

На Украине национальный проект рано или поздно будет переформатироваться. Энергия антироссийского горения будет иссякать по мере ухудшения экономического положения, большей уступчивости ЕС в отношениях с Россией на фоне возрастающей террористической угрозы и самопожирания националистического актива.

Запрос на иной, социально ориентированный национальный проект на Украине пока не оформлен, но он есть, он неизбежен.

Но, скорее всего, работать придется всем вместе: украинским активистам и творцам Новой Украины – снизу, у себя на родине, белорусским товарищам – создавая общие для трех наций площадки общения и проектирования, России – предлагая новую наднациональную повестку.

Что у нас дано сейчас: три государства и три политические нации с общими русскими (восточнославянскими) корнями. При этом между двумя из них существует острый политический, гибридный военный и фундаментальный идеологический конфликт (Россия и Украина), между Россией и Беларусью существует незавершенный интеграционный проект Союзного государства, статус и будущее которого каждой из сторон видится по-разному. С российской стороны СГ сегодня воспринимается скорее как промежуточная форма вхождения в состав РФ, с белорусской – как прообраз нового наднационального Союза, построенного на равных основаниях.

Дискуссии о русскости, русском, восточнославянском единстве должны обращать внимание прежде всего на это. Как умиротворить Украину, как погасить антироссийский аффект там, как сделать украинство не антагонистичным русскости и России, а комплементарным, потому что просто так взять и отменить его, игнорировать нельзя? Как выйти из интеграционного тупика между Россией и Беларусью, как привлечь к союзу Украину? Вот о чём стоило бы всем нам интенсивно думать.

Идея о триединстве русского народа удивительным образом напоминает вероучение о Святой Троице, может быть, даже от него и происходит. Там Бог един, но предстаёт в трёх лицах (Бог-Отец, Сын и Святой Дух), а здесь – народ (русский, объединяющий великороссов, малороссов-украинцев и белорусов). Всё бы ничего, если есть политическое единство и эта концепция прилагается естественным образом. Но политическое единство было разрушено в 1991 году прежде всего как результат борьбы за власть между общесоюзным и новым российским руководством в Москве.

Если уже существуют отдельные государства и политические нации ими сформированные, то таким же образом возникают собственные «племенные» божества и символы веры. Их как раз и нужно заново «крестить», объединить, превзойти, найти общий знаменатель, желательно без войны – и так слишком много жертв от внутренних усобиц.

Наднациональная повестка, не ограниченная интересами только России, Украины и Беларуси, – это то, что должно формировать образ общего будущего для трех русских наций. В его основании может быть только сверхзадача – обеспечение себе возможности совместного выживания и цивилизационного (экономического, технологического, культурного) прорыва, сравнимого с тем, который совершил в свое время советский народ.

Три архетипа русской политической культуры

После распада СССР большинство постсоветских государств вернулось к устойчивым архетипам своей политической культуры, зачастую, весьма архаичным: ханствам и эмиратам в Средней Азии, племенным княжествам в Прибалтике и Закавказье.

Это же можно сказать и о трех русских народах и их государственности. Россия и ее лидеры после очередной смуты вспомнили, наконец, что она является царством, империей, собирательницей земель.

Украина разрывается между практиками Запорожской Сечи и Дикого поля с постоянной чехардой из гетманов и черных рад.

Беларусь реализует модель не племенного, но имперского княжества, находящегося в персональной унии с мощным полюсом силы. Происходящее сегодня между нашими тремя странами я бы видел в том числе и через эту призму.

Княжество, Сечь и Царство – три глубинных политических архетипа Беларуси, Украины и России.

Интеграционный спор между РБ и РФ – это спор давних архетипов. Сознание человека великорусской политической культуры неизбежно будет стремиться к преодолению раздробленности и раскола, объединению всех его частей в одном государстве. Таков исторический опыт России.

Хуже всего если в России возьмут верх идеи объединения в одно государство по этнонациональному признаку, так называемого ирредента. Ирредента – это война. Попытки оторвать территории от Беларуси, Казахстана, да и Украины обернуться большой войной. Братоубийственной войной. Понятно, что словоохотливые интеллигенты националистического толка готовы разжечь её хоть завтра. Они не несут за свои слова никакой ответственности.

Откуда всё это пошло? Думаю, в современной России это, в основном, связано с наследием Солженицына. Именно он, по сути, является идеологом современного русского национализма, сформировал его основные постулаты, начиная от необходимости развала СССР, т. е. избавления от «нерусских» до создания русского национального государства с отрывом территорий от соседних республик.

Солженицын – русский националист-антисоветчик, но чистый западник по форме. Неудивительно, что культовую фигуру из него сделали именно на Западе, видимо, не без участия спецслужб. Он был нужен в качестве тарана против многонациональной державы.

Ирредента, стремление к созданию русского этнонационального государства вместо союза народов похоронит Россию, ввергнув её в войны с последними союзниками и братьями. И это выгодно только тем, кто поддерживал Солженицына и его разрушительные идеи.

России нужно заниматься не ирредентизмом в ближнем окружении, а развитием себя, построением в рамках уже имеющейся территории социального государства, только это может стать привлекающим фактором для соседей, а не ирредента.

«Линия Солженицына», безусловно, в России довольна укоренена. Её истоки можно искать в публицистике Михаила Меньшикова, деятельности «Союза русского народа», стремлении белогвардейцев построить «единую и неделимую» в условиях распадающейся империи, когда это уже было невозможно и страну нужно было пересобирать по-другому. В среде эмиграции – это Иван Ильин и НТС.

Так уж получилось, что в поисках идентичности для «новой России» наблюдается возрождение подобных сомнительных идей и героизация крайне неоднозначных личностей, того же Солженицына, Ильина, Колчака. Этот процесс на самом деле сродни украинскому, где просто зашли гораздо дальше, вплоть до героизации Бандеры и Шухевича. Видимо, в какой-то сте-

пени, это закономерно, буржуазный строй требует формирования буржуазного национализма и соответствующего идеологического обоснования.

Но это не имеет ничего общего с традиционной империей и союзом народов, каковой только и может быть Россия. Западный национализм смертельно опасен для единства страны, отношений с союзниками. А именно он маячит за идеями Солженицына и его единомышленников. Просто эта националистическая волна добралась и до России, как ранее она захватила Украину. Но это глубоко родственные явления.

Для России это очень опасно. Эту грань между патриотизмом и воинствующим национализмом, как мы все видели на украинском примере, очень легко перейти. Ирредента – это архаика. Посмотрим на наших конкурентов. Какова структура англосаксонского мира? Это сетевое сообщество: есть военный центр (США, отчасти Британия), финансовый (Британия, отчасти США), есть доминионы – опорные точки в регионах (Канада, ЮАР, Австралия, Новая Зеландия).

Почему мы не можем устроить свою сетевую структуру? Или по сравнению с англосаксами мы находимся примерно в своём XVIII веке, когда США воевали за независимость от Британии, а теперь Украина воюет с Россией. В этом ничего хорошего. Это архаизация. Причём не только Украины, но и России. Беларуси это тоже напрямую касается, если не устоим и пойдём тем же путём.

Специфика современной белорусской национальной идентичности построена не на отталкивании от России, как это произошло в случае с Украиной, да и почти со всем постсоветским пространством, но на союзе с ней. А это было и есть пока чем-то исключительным и как раз это усиливает наше отличие от тех же украинцев, поляков, литовцев. По отношению к последним мы воспринимаемся как форпост или западный фронт русско-евразийской цивилизации.

Но в то же самое время в белорусах нет стремления полностью раствориться в русском народе и российской государственности, что часто встречает непонимание в России, где стремление создать единое централизованное государство – часть глубокой исторической традиции. Как согласовать эти позиции и не допустить раскола? Нужно последовательно развивать союзную идентичность, которая в белорусском случае не противопоставляет белорусов россиянам, а в российском – не настаивает на растворении.

Это достаточно сложно, но без тонкой настройки, понимания этой сложности и работы с ней никакая интеграция в Евразии невозможна. В союзе Беларуси и России мы имеем уникальную лабораторию интеграции, поэтому к ней нужно относиться бережно и не сбрасывать со счетов, она может ещё очень сильно пригодиться.

При этом нужно понимать, Беларусь будет стремиться сохранить свою автономию и не допустить полного растворения в унии/союзе.

Что из этого получится – покажет время, но выход я бы видел за пределами этих национальных моделей. Осознание общей цивилизационной задачи могло бы и объединить в достаточной степени элиты наших стран, и сохранить необходимую степень автономии, как это мы видим на примере ЕС. Сформулировать и воплотить общую задачу – это и есть на самом деле главный вызов всей постсоветской интеграции.

Русский политический дуализм

Русская культура и политика как её отражение – это культура рывков, прорывов и разрывов. И российско-украинско-белорусское междоусобное трепыхание и суeta во многом обусловлены спецификой нашей культуры. Острое переживание неоконченного разрыва и попытка подготовить новый рывок.

100-летие Русской революции и 150-летие Ленина породили очередную волну споров между «красными» и «белыми» в России. Кажется, этот спор будет бесконечным, и я подозреваю, что его причины кроются не только в истории XX века.

Русское сознание, культура, как показали Юрий Лотман и Борис Успенский, очень дуалистичны. В них очень резко отделены друг от друга и аксиологически заряжены две контрпозиции и это проявляется во многих аспектах жизни: свои и чужие, друзья и враги, Русский мир и Запад, «низы» и «верха», «красные» и «белые». Истоки всего этого, вероятно, религиозные, идущие от очень существенно влияния иранского дуализма на славян, особенно восточных, когда само понятие веры связывается с правильным выбором между вселенским добром и злом.

Русский дуализм также имеет несколько точек напряжения: разрыв между балтославянским политеизмом и иранским дуализмом, затем разрыв между дохристианскими верованиями и православием, религиозный раскол XVII века, петровский раскол между вестернизированной элитой и «низами», раскол после революции 1917 года и реставрации 1991-го.

Русский дуализм имеет и давние геополитические причины. Раздробленностью и распадом Древней Руси воспользовались две силы. Одна – могучая Орда, созданная Чингисханом, другая – появившаяся из леса Литва.

Нашествие монголов для восточной части Руси было гораздо более разрушительным, чем переход западной её части под власть Литвы, но впоследствии всё вышло наоборот.

Московская Русь выжила и окрепла под властью монголов, а Литовская Русь попала в двойную зависимость – ещё и от Польши, в первой русскость выстояла и стала распространяться на бывший Улус Джучи, а во второй стала сдавать позиции и могла вовсе раствориться в польской стихии.

Монголы и Литва были варварами-язычниками, подчинившими Русь, но последствия их владычества были разными. Монголы оказались более прозорливыми в том, что не уничтожали основ русскости: язык и веру, а вот Литва сделала неправильный цивилизационный выбор, приведший к упадку (западно)русского языка и православия.

Также и сегодня. Россия – Евразия, пережив распад СССР и лихие 90-е, вернулась на арену истории, а Литва, вступив в НАТО и ЕС, стала катастрофически терять население. Разделение на Западную и Восточную Русь также имеет давнюю традицию. Западные части Древней Руси попали под власть Литвы и Польши и в силу длительного нахождения в составе ВКЛ и Речи Посполитой приобрели ряд особенностей, восточная часть – Московское княжество развивалось во взаимодействии с Золотой Ордой и в силу этого также стало своеобразным государством.

В наше время мы, возможно, наблюдаем не возрождение этих традиций, а их реконфигурацию. С одной стороны мы имеем Союзное государство России и Беларуси – по сути, Северную Русь и политическую традицию суперпрезидентской власти, а с другой – Украину, Южную Русь с её политической традицией майданной полуанархии.

Этот древний дуализм и его последствия можно хорошо проиллюстрировать судьбами князей Александра Невского и Даниила Галицкого.

Александр Невский сделал судьбоносный выбор в пользу Орды и стал в определенном смысле архитектором будущего величия Северо-Восточной Руси. Он наладил хорошие отно-

шения с монголами и разгромил западных захватчиков: шведов и немцев. Всё это имело далеко идущие геополитические последствия.

Даниил Галицкий предпочёл союзу с монголами активное развитие отношений с Западом, католической церковью. Даже получил от папы римского титул короля Руси.

Но если рассматривать их стратегии «в долгую», то Александр Невский, безусловно, оказался прозорливее Даниила Галицкого, поэтому и стал святым, а Даниил в итоге проиграл свою партию, его потомки не сохранили статус королевства и вообще вскоре были подчинены литовцами и поляками.

Этот выбор, очевидно, стоит и сегодня перед народами русского корня. Украина, как и когда-то Даниил, сделала ставку на интеграцию в Запад. Результат плачевный. Россия выбирает между союзом с Китаем и ЕС и пока не понятно, какой выбор сделает.

Ю. Лотман полагал, что нужно ориентироваться на Европу, по примеру европейской культуры вводить в систему культуры третий, промежуточный, посреднический элемент. В политике и экономике у европейцев это был парламент и различные корпорации, выступавшие посредниками между властью и обществом.

Россия как целое, как субъект, в принципе, в Запад не интегрируема. И поэтому все иллюзии о том, что будет какой-то правый консервативный интернационал у России с Америкой, с Европой, – это не работает. Это иллюзии, миражи, которые Запад искусственно, с выгодой для себя, в России поддерживает. Но по факту «клуб господ», которым является Запад, для России, для большинства её населения, закрыт.

Надо искать собственный путь. В России происходят попытки «красно-белого» примирения, синтеза, на самом деле пока не очень удачные. Механически объединить разные полюса не получится, нужна некая метапозиция по отношению к ним.

Какой она может быть? По отношению к прошлому она явно должна происходить из будущего. То есть мы должны спорить не о том, кто более святой – Николай II или Сталин, а о том, какая программа будущего для России более жизнеспособна. И как-то особо претендентов на выдвижение такой программы не видно.

Из «красного» лагеря в основном звучат предложения ещё раз повторить революцию и сделать римейк СССР, учитывая его ошибки. Из «белого» доносятся упования на то, что современное положение России уже обеспечивает её достойное место в будущем, главное – побольше православной веры и избавления от «красного» наследия.

Нужно ли говорить, что обе эти позиции вопиюще не футурогенны, в них нет ростков будущего. И из попытки их соединить оно тоже не появится.

Тогда откуда им вообще взяться? Из мировоззрения и деятельности тех, кто прекрасно понимает, что в России невозможно устойчивое государство иначе как с сильным социальным характером и что для этого не обязательно вести войну с религией или царским наследием, если оно ещё осталось. Понимает, что для того чтобы не дойти до состояния, когда революция станет единственно возможным решением нужно кардинально менять экономическую модель. Да, для этого нужно меньше монополизма и влияния ТЭК, не нужна такая финансовая привязка к Западу, как сейчас, а нужно больше стратегического государственного планирования, вложений в передовые технологии, НИОКР и общеевразийскую инфраструктуру.

Для этого придётся искать немалые средства. И их нужно найти, даже если понадобится пожертвовать роскошью, благополучием, привычным образом жизни многих из правящего класса. Если этого не сделает сама власть, рано или поздно это сделают за неё.

Возможно ли это? Ответ на этот вопрос означает ответ на то, есть ли у нас у всех, как цивилизации, будущее как таковое.

Огонь и пепел. Белорусско-украинский контраст

В начале июля 2015 года выдалась возможность посетить Украину, сравнить для себя то, что было до Майдана и есть сейчас. Больше всего меня интересовали важные с символической, исторической и религиозной точки зрения места формирования украинской идентичности. Я далек от того, чтобы считать украинцев искусственной нацией или пренебрежительно относиться к украинскому государству. Просто хотелось понять, что происходит с этой близкой, братской страной.

Из того, что мне довелось увидеть и услышать на Украине для себя, я определил три исторических составляющих украинской идентичности:

1) древнерусское наследие. Это начало государственности, интеллектуальная традиция (философия, письменность, книжная культура), столичный статус Киева, Галицко-Волынское княжество, историческая и этнокультурная связь с другими восточнославянскими народами: белорусами и русскими;

2) православная религиозность. Киев как сакральный центр для значительной части православных, Киево-Печерская и Почаевская лавры, Киево-Могилянская академия, отстаивание собственной идентичности православными казаками перед лицом католической и исламской экспансии;

3) наследие СССР. Именно в советской Украине окончательно оформилась нация, украинский язык стал доминирующим на основной территории проживания украинцев, сама эта территория приобрела границы, именно в это время был создан промышленный и экономический потенциал государства.

В настоящее время имеет место кризис всех трех элементов: обрывается связь с двумя другими русскими народами, особенно, с россиянами, православие переживает ряд болезненных расколов и уступает пассионарным униятам, советское наследие перечеркивается законами о декоммунизации и деиндустриализации страны.

Набирающий все больший вес галицийский вариант украинского национализма с упором на греко-католическую религию (как единственно правильную национальную) и культ УПА – это, скорее, некий радикальный экстремум, существенно отличающийся от базового ядра украинской идентичности.

Большинство украинцев убеждены, что в стране идет не гражданская, а украино-российская война. Но война какая-то странная. Дипломатические отношения не прерваны, Украина поставляет в Россию свои товары, Россия на Украину – газ.

Собеседники убеждены, что Россия вероломно напала, и не видят, что именно Майдан привел к цепи необратимых событий.

На некоторые вопросы не получаю ответа. Почему не предотвратили погром, который подстегнул пророссийских активистов в Крыму? Зачем отменили закон о региональных языках? Почему до сих пор не расследованы дела о снайперах на Майдане и события в Одессе?

Украинцы говорят: мы хотим сами решать свою судьбу и чтобы Россия от нас, наконец, отстала.

Допустим. Но как изменить географию и то, что у такой крупной державы всегда будут свои интересы, с которыми, как минимум, надо считаться?

На Украине поверили в евромечту, но сейчас она рушится на глазах. Правда в том, что украинцы особо никому не нужны, кроме самих себя. Некоторые это понимают и верят в то, что справятся сами. В крайнем случае, помогут США или ЕС... Помогут ли?

За время путешествия по постмайданной Украине удалось проехать почти всю историческую Волынь. Этот регион действительно очень близок и понятен для белоруса. Но больше всего был впечатлен... Брестом, где мы и встретили белорусский День Независимости.

Это тоже часть Волыни, и украинские националисты часто рассматривают Брестчину как свой регион. Но какое же колоссальное отличие! Раньше в Бресте я бывал только проездом и видел в основном вокзал, а сейчас время позволило довольно подробно изучить центр города.

Никакого сравнения с украинскими городами. Брест буквально преобразился в моих глазах. Очень уютный, чистый, комфортный город со своей неповторимой атмосферой. Большая пешеходная улица, скверы с прекрасными скульптурами, много магазинов и кафе, но без кричащих и беспорядочных вывесок.

Гармоничное сочетание архитектурных стилей и построек разных эпох. В общем, я поражен, настоящий европейский город. После довольно удручающего вида Житомира, сравнимого по населению и значению с Брестом, атмосфера совсем другая. Есть порядок и государство.

Возникает и другое чувство – досады. От того, что через границу та же самая земля и люди живут в другом мире. Очень чётко видно, что украинцы во многом близки, если не идентичны белорусам, но социально-политическая разница огромна.

В чем причина? В тех проектах нации, которые строят в наших государствах. Для меня символом белорусской идентичности стал великолепный памятник тысячелетию Бреста, возведенный на пересечении улиц Гоголя и Советской в 2009 г. Это – квинтэссенция белорусской идеи.

Древняя и средневековая история, период Российской империи, Победа и достижения СССР спаяны там воедино под сенью Ангела-хранителя. Древнерусский летописец, Владимир Василькович, Витовт Великий, Николай Радзивилл, мать-крестьянка в народной одежде, советский солдат-победитель, космонавт и ангелы.

Нет никакого противопоставления, все это стало основой нашей традиции. На Украине так не получилось.

Идентичность должна строиться не на взрывоопасных противоречивых идеях, а на базисных элементах с выходом на перспективу будущего. Все периоды истории надо рассматривать в единстве, брать из неё огонь, а не пепел.

Мне возразят – а можно ли объединить Бандеру и Ковпака? Единственный критерий тут – реальный положительный результат. Ответьте сами, что сделала УПА – построила ДнепроГЭС или устроила Волынскую резню? И что более важно в конструктивном и футуристическом смысле для Украины.

Пока не вижу в Украине проекта будущего, но в любом случае Беларусь – это хороший пример для украинцев, как можно и нужно строить свое государство и идентичность.

Я это понял в Бресте – одном из прекраснейших городов нашей большой страны.

Новая Украина: союзный взгляд

В обсуждении ситуации на Украине чаще всего преобладают негативные оценки настоящего или анализ предпосылок этого в прошлом. Будущее этого государства представляется крайне неопределённым и туманным. Между тем для понимания того, что делать с Украиной, в рамках союзной логики необходимо чётко представлять то, как мы видим будущее Украины.

Осознание цели и «игра в долгую»

То, что Украина скатилась до состояния гражданской войны, утраты территориальной целостности и фактически превратилась из самостоятельного субъекта международных отношений в объект геополитического противоборства, было вызвано прежде всего внутренними причинами, но не только.

Наличие «внешнего» проекта и целеполагания также оказало существенное влияние. Этот проект заключался в отрыве Украины от любых интеграционных объединений, связанных с Россией, и, по возможности, привлечении её в евроатлантическую сферу влияния.

Мотивы этого весьма откровенно в своё время сформулировал небезызвестный Збигнев Бжезинский: «Если Москва вернёт себе контроль над Украиной с её 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Чёрному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии», «Украина является ключевым государством постольку, поскольку затрагивается собственная будущая эволюция России».

Мотив очень понятный и по-своему логичный – чтобы не допустить усиления России, выдавив её из Европы, ей необходимо создать такую проблему, которая может быть вызовом существованию самой России. И лучшего кандидата для этого, чем Украина, – политически, экономически, демографически и сакрально важная для восточнославянского мира территория – не придумать.

С Украиной, впрочем, как и с большинством постсоциалистических стран и постсоветских республик, Запад играл «в долгую», на перспективу, и получил от этой игры колоссальные дивиденды. Упомянутый выше Бжезинский был одним из тех, кто начинал эту «игру».

Им и его коллегами начиная с 50-х годов XX в. были внимательно проанализированы причины успеха советской национальной политики, выразившейся в том числе в создании СССР и БССР, а также в массовой поддержке этническими украинцами и белорусами коммунистических и просоветских идей во второй Речи Посполитой.

Эта поддержка потом сыграла немаловажную роль при её разделе и воссоединении Западной Украины и Беларуси в Советском Союзе.

Вывод из этого следовал простой – для того чтобы использовать национальную идентичность украинцев и белорусов в качестве геополитического оружия, надо наполнить её соответствующим содержанием. Если у СССР это получилось против Польши, то почему не может получиться у США против СССР и России?

Для успеха необходимо сформировать свою версию национальной идентичности или поддержать уже имеющуюся, но антисоветскую и русофобскую, что и было сделано в сотрудничестве с бандеровцами во время холодной войны.

Из числа эмигрантов-националистов и их потомков были созданы «мозговые центры», наводнены ими СМИ, вещающие на Украину, они же стали ориентиром, «хранителем» национальной идентичности для представителей гуманитарной интеллигенции и части политиков в постсоветское время.

Таким образом, несмотря на длительный период времени и объёмные финансовые влияния на «перекодирование» Украины со стороны Запада, это был успешный проект, и его основные цели достигнуты: Украина «изъята» из интеграционных союзов вокруг России, переориентирована на Запад, является для России причиной значительных ресурсных затрат.

В связи с этим возникает вопрос: а какие цели в отношении Украины есть или должны быть у России и Беларуси?

Безусловно, цель-максимум – возвращение Украины в «семью», то есть участие целой Украины или большинства её теперешней территории в Союзном государстве и Евразийском союзе.

Понятно, что на сегодняшний день эта цель выглядит не более реалистично, чем планы американцев по отрыву Украины от России в середине 1950-х годов. Но такая цель должна присутствовать в отношении любых стратегий с союзной стороны.

В противном случае Украина будет если не неизбежно враждебной по отношению к России и Беларуси, то, однозначно, постоянным источником экономических проблем и военно-политических угроз.

С чего начать?

С осознания того, что и нам необходимо играть «в долгую».

Конечно, нельзя исключать, что сама Украина в силу многочисленных внутренних противоречий и внешнего давления не спровоцирует Россию, например, атаковав Крым или республики Донбасса, на ответную военную операцию, которая может всё кардинально изменить. Сейчас такой сценарий кажется наименее вероятным. А наиболее – постепенная «прибалтизация», то есть превращение страны в милитаризованный антисоюзный фронт и источник деструктивного влияния в регионе.

Учитывая такую тенденцию развития ситуации, перед Союзным государством на украинском направлении стоят три тактические задачи: пацификация, нейтрализация, денацификация.

Пацификация, т. е. прекращение боевых действий, умиротворение украинского общества и (хотя бы) части элит, используя для этого имеющиеся возможности: продолжение «минского процесса», экономическое вовлечение, работу с «партией мира» украинского политкума и общества.

Нейтрализация, т. е. признание на международном уровне того, что если страны Запада, прежде всего Европейского союза, заинтересованы в восстановлении доверия с Россией и совместного обеспечения безопасности на континенте, то Украине не место в НАТО либо других антироссийских военно-политических альянсах. В случае поддержки США милитаристского и антироссийского курса украинских властей Россия на других треках отношений: на Ближнем Востоке, в Восточной Азии будет придерживаться аналогичной линии поведения, игнорируя американские интересы.

Денацификация – очевидная необходимость. Украина сегодня – эпицентр возрождения ультранационализма и неонацизма, это международная проблема и угроза всем странам-соседям. До тех пор, пока на Украине действуют вооружённые формирования ультраправых, их идеология имеет признание и свободное хождение в украинском государстве, их следует рассматривать в качестве актуальной угрозы для безопасности и сотрудничества в Европе. Использование украинского национализма для геополитического сдерживания России делает его вдвойне опасней и позволяет ставить его на один уровень с идеологией исламского экстремизма.

Деятельность националистов на Украине последнего времени требует тщательной правовой оценки и, возможно, создания международного трибунала по расследованию и осуждению

их преступлений. Кроме того, в качестве противоядия необходимы возрождение левого, коммунистического движения на Украине, программа восстановления уничтоженных памятников и т. д., организационная и финансовая поддержка со стороны компартий Союзного государства.

Украина и почти вся Восточная Европа – серьёзнейший очаг национализма и неонацизма и геополитическое противостояние между Западом и Востоком будет приобретать черты идеологического. На Западе будут всё более терпимо относиться к историческому ревизионизму, пересмотру итогов Второй мировой войны и, в конце концов, к возрождению нацизма и расизма. А на Востоке (в России и её союзников, в Китае) будет расти противостояние этому.

В этом можно убедиться, если взглянуть на карту стран, голосовавших в ООН в 2014 г. за и против российской резолюции о борьбе с героизацией нацизма. Результаты голосования очень показательны. За – почти вся Евразия, Латинская Америка, Африка, против всего три страны: Украина, США и Канада, страны ЕС воздержались.

Нацизм – это вирус. Идеологический и мировоззренческий. Иммуитет против него не бывает вечным, что мы прекрасно увидели на примере Украины. Украинцы были частью великого народа-победителя, но всего за 25 лет иммунитет общества и государства против нацизма был утрачен. Поэтому никому не нужно успокаиваться, и память о Победе действительно крайне необходима как терапевтическое средство.

Но одной только памяти мало, нужна отдельная большая программа по денацификации, прежде всего Украины как части нашего пространства и в целом Восточной и Западной Европы. Это комплекс мероприятий по очищению обществ, культуры, науки, прессы, образования от влияния неонацистской идеологии. Это серьёзная задача, которая потребует осознания серьёзности проблемы, того, что касается она и каждого из нас, потому что споры нацизма существуют и в наших обществах, от их роста не застрахован никто.

Борьба с нацизмом и расизмом должна быть системной, глубоко продуманной и воспринимаемой всерьёз, иначе все усилия будут напрасны. Под это должны быть заточены СМИ, лидеры мнений, системы образования и науки, это должно быть общее дело, как минимум для стран Евразийского Союза и Китая. Да, в этом случае, вероятно, придётся наступить на горло и собственному подрастающему национализму, но без этого мы проиграем в войне смыслов точно также как проиграли в битве за Украину.

У России и её союзников есть значительный опыт теоретического и практического антифашизма, нужно всё это актуализировать в современных формах, изобретать новые. В ближайшее время будет определяться будущая траектория человечества и вряд ли кто-то, кроме нас, сможет помочь ему не скатиться в ад на земле. Этот вызов нужно понять и принять его.

Вообще же стоит начать также с изменения отношения к украинской идентичности. Её стоит воспринимать всерьёз. Она не была изобретена австрийским генштабом, и в ней нет изначальной антирусскости, как нас пытаются убедить некоторые украинские политэмигранты, осевшие в России и пытающиеся доказать, что они более русские, чем россияне.

Украинский язык, культура, разные формы государственности – это факты, с которыми необходимо считаться, а не отбрасывать как несущественные детали. Восприятие всерьёз украинскости означает начало основательной работы с ней так, как это делали большевики или Бжезинский и сотоварищи.

Следует отметить, что начинать эту серьёзную эшелонированную работу придётся не с нуля, и процент украинцев, выступающих сегодня за союз с Россией и Беларусью, будет гораздо выше тех, кто в конце 50-х хотел отделения Украины от СССР.

Несмотря на массированную пропаганду, даже сейчас «союзное ядро» сохраняется на уровне 20 %. Президент Лукашенко имеет беспрецедентно высокий для зарубежного политика уровень поддержки на Украине – 63 %. Это косвенно может свидетельствовать о том, что позитивное восприятие белорусской социально-политической модели, основанной на тес-

ном союзе с Россией и воплощаемой фигурой лидера, имеет потенциал для трансформации в позитивное восприятие самого союза.

И третья, достаточно многочисленная группа опоры – прихожане Украинской православной церкви Московского патриархата. Невзирая на раскол православной церкви, политическое давление со стороны власти и конкурентов: униатов, протестантов и язычников, УПЦ МП, пребывая, по сути, в состоянии гонимой церкви, сохраняет символические и сакральные основания украинской идентичности.

Очевидно, что все три группы, чётко фиксируемые социологически – приверженцы союза на Востоке и Юго-Востоке Украины, симпатизанты Лукашенко и прихожане УПЦ МП – находятся в крайне неблагоприятной политической атмосфере, связанной с преследованием со стороны спецслужб, националистов и пропагандистской дискредитацией, тем не менее это мощная социальная база для возникновения Новой Украины.

Что делать?

В текущих условиях консолидация этой базы в рамках влиятельной политической силы пока невозможна. Теперешние украинские власти, их зарубежные патроны по понятным причинам будут этому всячески препятствовать, стремясь разбить её на фрагменты, электорально растворить, не позволяя вновь превратиться в решающее большинство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.